

стихом, как они следовали за 851-м. Те неудобства, какие проистекают из постановки 527–531-го стихов на место, теперь занимаемое ими в наших рукописях и изданиях, могли ускользнуть от внимания неизвестного грамматика так же, как они ускользнули — сколько нам известно, — от внимания всех новейших критиков и толкователей Эсхила. Неудивительно, что этих неудобств не заметил и переписчик, который внес приписку грамматика в самый текст трагедии: таким образом, одни и те же стихи в одной и той же трагедии появились в двух местах — после 526-го стиха и после 851-го. Тот самый переписчик или другой, писавший с рукописи того первого, встретив после 851-го стиха пять стихов, уже написанных после 526-го, не стал писать их во второй раз, а перешел от 851-го стиха к тому стиху, который в наших изданиях считается 852-м. Эта последняя редакция усвоена тем кодексом, который сделался родоначальником всех сохранившихся до нашего времени Эсхилевских рукописей³.

К «Медее» Еврипида (ст. 234 и 596)⁴

[403] В знаменитой речи Медеи, где с такой удивительной для греческого литературного произведения резкостью «мисогин» Еврипид устами героини заявляет протест против жалкого положения женщины в греческом обществе, стихи 230–237 в той рукописи⁵, которую принято ставить на первом месте между рукописями «Медее», имеют такой приблизительно вид:

230. Πάντων δ' ὄσ' ἔστ' ἔμψυχα καὶ γνώμην ἔχει

γυναῖκές ἐσμεν ἀθλιώτατον φυτόν.

ὡς πρῶτα μὲν δεῖ χρημάτων ὑπερβολῇ

πόσιν πρίασθαι δεσπότην τε σώματος

λαβεῖν κακοῦ γὰρ τοῦτ' ἄλγιον κακόν

235. κὰν τῷδ' ἀγὼν μέγιστος, ἢ κακὸν λαβεῖν

ἢ χρηστόν. οὐ γὰρ εὐκλειεῖς ἀπαλλαγαί

γυναίξιν, οὐδ' οἷόν τ' ἀνήνασθαι πόσιν.

Стих 234 принадлежит к числу труднейших во всей еврипидовской поэзии. Толкования, которым он подвергался, так же разноречивы, как различны средства, которые предлагались и предлагаются для его исправления.

В изданиях до времен Брунка постоянно повторялось взятое Иоанном

³ [Перестановку стихов, предложенную Никитиным, принял в свое издание Г. Вейль: Aeschyli Tragoediae / Ed. H. Weil. Lipsiae, 1884. Praefatio. P. XXVII: Persae: 527–531 post 851 transposuit Nikitine; P. 109: v. 526, 532; P. 120: v. 854, 527–531, 852.]

⁴ [Опубл.: ЖМНП. 1880. Ч. 211. Октябрь. Отд. классической филологии. С. 403–411.]

⁵ В (cod. Vaticanus 909).

Ласкарисом и Альдом из своих рукописей и находящееся также в некоторых, теперь еще существующих рукописях⁶, чтение *κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλγιον κακόν*. Из новых издателей [404] то же чтение удержал Клотц⁷, толковавший его, согласно со схолиастом, таким образом: «Refertur hoc ad alteram partem prioris enunciati, eoque significatur praeter emptionem mariti illud permolestum atque adeo molestius esse, quod in eius potestatem committitur puella, quae nubit viro». Другими словами, Клотц требует от читателей Еврипида, чтобы они догадались, во-первых, что две части выражения *χρημάτων ὑπερβολῆ πόσιν πρίασθαι* — *δεσπότην τε σώματος λαβεῖν* находятся друг к другу в отношениях не присоединения, а противоположения; во-вторых, что понятие *χρημ.[άτων] ὑπ.[ερβολῆ] πόσιν πρίασθαι* должно было быть ближе уму говорящей, чем *δεσπότην σώματος λαβεῖν*, и потому первое, в противоположность последнему, далее могло быть обозначено как *τόδε κακόν*; в-третьих, наконец, что Еврипид хотел сказать такой абсурд: «приобрести полновластного хозяина над своей личностью хуже, чем купить за большие деньги себе сожителя». Едва ли афиняне V века, видевшие «Медео» на сцене, нашли бы в словах Еврипида то, что нашел в них немецкий толкователь, даже и в том случае, если бы в 431 г. до Р. X. издание Клотца, в качестве либретто, продавалось в кассе Дионисова театра.

Точнее приладить текст к толкованию схолиаста попытался Векклеин, переделавший 234 стих так: *λαβεῖν· ἐκείνου γὰρ τόδ' ἄλγιον κακόν*. При этом устраняется, конечно, второе из указанных выше затруднений, но не устраняется третье, да остается в своей силе и первое. Векклеин (вместе с Бауером, который, впрочем, в 234 стихе принимает чтение рукописей Стюэя *τοῦτο γ'*), в противоположность прочим толкователям, полагает, что словам *πρῶτα μὲν* ст. 232 соответствуют не *κὰν τῶδ' ἄγων μίγιστος* ст. 235 (так Маттиэ и Шене) и не *εἰς καινὰ δ' ἦθη* ст. 238 (так Лентинг и Клотц), а *δεσπότην τε*. В доказательство возможности такого сопоставления частиц он ссылается на 126 стих «Медее», а в примечании к стихам 125–7 (*τῶν γὰρ μετρίων πρῶτα μὲν εἰπεῖν τοῦνομα νικῶ, χρῆσθαί τε μακρῶ λῶστα βροτοῖσιν*) [405] говорит: «Statt eines δεύτερα δέ oder ἔπειτα folgt hier anakoluthisch τέ

⁶ Cod. Florentinus 32,2, обозначаемый у новейшего издателя (Euripidis fabulae. Edidit R. Prinz. Vol. I. Pars 1: Medea. Lips. 1878) буквой M и cod. Palatinus inter Vaticanos 287, обозначаемый буквой P.

⁷ Elmsley принял в текст своего издания и одобрил в комментарии догадку Брунка *τοῦτ' ἔτ'*, а под текстом, по обычаю, привел чтение Альдины *τοῦδ' ἔτ'*. Между тем, Клотц уверяет, будто бы английский критик выдавал *τοῦδ' ἔτ'* за собственную конъектуру: промах удивительный для издателя Еврипида вообще, но не удивительный для такого издателя, как Клотц. См. заметку Р. Принца: [Prinz R. Die Kopenhagener Euripideshandschrift // Rheinisches Museum für Philologie. 1875. Bd. 30. S. 131].

wie unten V. 233, 430, 1101, Hipp. 996, Heracl. 337, Ion. 401, Or. 22». Но из числа этих примеров два — Med. 430 и Or. 22 — должны быть исключены, так как в них нет выражения *πρῶτα μὲν*, а только *μὲν*. Что касается остальных, кроме разбираемого нами 233 стиха, то — нам кажется — они-то именно и не позволяют предполагать соответствие между *πρῶτα μὲν* и *τέ* в 232–233 стихах «Медеи». В самом деле, как во всех этих примерах⁸, без всякого ущерба для смысла речи, на место *τέ* могут быть подставлены слова *δεύτερα δέ* или *ἔπειτα*, точно так же выражение *πρῶτα μὲν πόσιν πρίασθαι*, *δεύτερα δέ δεσπότην σώματος λαβεῖν* было бы абсурдом.

Маттиэ относил указание *τόδε κακόν* (в чтении *κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ'*) к цельному, не разделенному на две противоположные части, выражению *πόσιν πρίασθαι δεσπ[ότην] τε σώμ[ατος] λαβεῖν*; вся эта сентенция *κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν*, по его мнению, составляет переход к следующему положению *κάν τῶδ' ἄγων μέγιστος* и т. д. и имеет такой смысл: «*sed hoc malo, quod commemoravi, aliud quod malum acerbius est. Debebat sequi* — прибавляет толкователь — *ἔπειτα κινδυνεύειν ἢ κακόν λαβεῖν ἢ χρηστόν. Hoc enim alterum malum est, quo mulieres laborare dicit. Itaque, sed hoc leve est, inquit, hoc enim malo acerbius est aliud*». Но такое объяснение не соответствует принимаемому толкователем тексту: чтобы желаемое объяснение сделалось возможным, нужно было бы 234 стих изменить примерно так: *εἶτ' (или ἄλλ') ἔστι γὰρ καὶ τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν*.

Как уже Лентинг и за ним Шене предлагали ставить после выражения *κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν* знак вопроса, так в недавнее время Раухенштейн⁹ высказал мнение, что варианты *τοῦδ' ἔτ'* и *τοῦτ' ἔτ'* должны быть объясняемы из первоначального чтения *κακοῦ τί τοῦδ' ἔτ' ἄλλιον κακόν*; но в данном случае такой «риторический» вопрос: «есть ли зло большее этого зла?» едва ли был бы уместен, потому что как раз сейчас же (в словах *κάν τῶδ' ἄγων μ[έγιστος]* и т. д.) именно [406] указывается на возможность зла большего, чем это зло: плачевно положение женщины, за деньги приобретающей мужа, у которого она будет рабыней; но, конечно, оно еще печальнее, если этот супруг-владыка есть злой владыка. Правда, что тот же самый риторический вопрос служил бы весьма энергической и эффективной формулой перехода к новой мысли, если бы ему можно было придать

⁸ Hipp. 996 *ἐπίσταμαι γὰρ πρῶτα μὲν θεοὺς σέβειν, φίλοις τε χρῆσθαι; Heracl. 337 sq. πρῶτα μὲν σκοποὺς πέμψω πρὸς αὐτὸν... μάντις τ' ἀθροίσας θύσομαι; Ion. 401 sq. πρῶτον μὲν ὁ θεὸς τῶν ἐμῶν προσφεγμάτων λαβὼν ἀπαρχὰς χαίρω, σύ τ' ὦ γύναι; Med. 1101 sq. (ἔσορᾷ μελέτη κατατρυχομένους τὸν ἅπαντα χρόνον), πρῶτον μὲν ὅπως θρέψουσι καλῶς, βίωτόν θ' ὀπόθεν λείψουσι τέκνοις.*

⁹ [Rauchenstein R. Zur Medea des Euripides // Neue Jahrbücher für Philologie. 1875. 21 Jahrgang. S. 835.]

такой смысл: «не правда ли: уж хуже этого положения не может быть? однако ж и этим не ограничиваются несчастья женщины». Но для всякого очевидно, что ни при каких уловках интерпретации этот смысл никак нельзя втиснуть в слова текста. Чего недостает в словах Еврипида для того, чтобы они допускали такое объяснение, видно из Soph. El. 1185 сл., где диалог между Орестом и Электрой ведется таким образом: ОР... οὐκ ἄρ' ἤδη τῶν ἐμῶν οὐδὲν κακῶν. ΗΛ. ἐν τῷ διέγνωνς τοῦτο τῶν εἰρημένων; ОР. ὁρῶν σε πολλοῖς ἐμπρέπουσαν ἄλγειν. ΗΛ. καὶ μὴν ὁρᾶς γε παύρα τῶν ἐμῶν κακῶν. ОР. καὶ πῶς γένοιτ' ἂν τῶνδ' ἔτ' ἐχθίω¹⁰ βλέπειν; ΗΛ. ὀθούνεκ' εἰμὶ τοῖς φρονεῦσι σύντροφος.

Некоторое сродство с только что разобранным толкованием имеет другое, следующее: чтения κακοῦ γὰρ τοῦτο γ' ἄλγ.[ιων] κ.[ακόν], или κακοῦ γὰρ τοῦτ' ἔτ' ἄλγ.[ιων] κ.[ακόν], или κακοῦ γὰρ τοῦθ' ὑπέρτερον κακόν¹¹ могут быть понимаемы так: «ведь это есть зло худшее, чем самое зло»¹². В пользу такого объяснения можно было бы привести Soph. Oed. R. 1365 sq. εἰ δέ τι πρεσβύτερον ἔτι κακοῦ κακόν, τοῦτ' ἔλαχ' Οἰδίλους, сомнительный стих Antig. 1281 τί δ' ἔστιν; ἢ κάκιον αὖ κακῶν ἔτι; указанное по поводу этого стиха Шнейдевином место из Aesch. Agam. 864 κακοῦ κάκιον ἄλλο πῆμα, а также Eurip. Hec. 1168 πῆμα πῆματος πλέον и т. п. Такое толкование, хотя, может быть, и к нему применимо то, что сказано против предположения риторического вопроса, во всяком случае, по своей значительности, заслуживало бы, кажется, предпочтения перед тем, при котором κακοῦ (в чтении κακοῦ γὰρ τοῦτ' ἔτ' ἄλγ.[ιων] κ.[ακόν] или κακοῦ γὰρ τοῦθ' ὑπ[έρτερον] κ.[ακόν]) понимается как равнозначущее с κακοῦ ἐκεῖνου ὄντος.

Но все эти толкования и поправки, более или менее облегчая [407] понимание 234 стиха самого по себе, не восполняют пробела, которым, как нам кажется, страдает речь Медеи, в теперешнем своем виде, и о котором мы будем говорить далее.

Неудивительно, что 234 стих, наделавший столько хлопот критикам и толкователям, был, наконец, как подложный, изгнан из еврипидовского текста: к этому крайнему средству разделаться с представляющимися затруднениями прибегнул последний издатель «Медеи» Рудольф Принц¹³. Но есть ли достаточные основания для такого сурового приговора?

¹⁰ Blaydes предлагал читать ἔτ' ἀλγίω.

¹¹ Догадка Наука, имеющая перед прочими, выше указанными, то преимущество, что при ней легко объясняется происхождение в главной рукописи чтения, нарушающего размер стиха.

¹² Dies ist übler als das Uebel selbst, переводит Гартунг.

¹³ С ним соглашается и Фр. Лео: [*Leo Fr. Excursu zu Euripides Medea // Hermes. Zeitschrift für classischen Philologie.* 1880. Bd. 15. S. 320].

Что после 233 стиха в нашем 234 нет существенной надобности, что если бы этот последний во всех рукописях в этом месте был пропущен, то ни один, самый прозорливый критик не догадался бы, что после 233 стиха есть пробел, — против этого едва ли кто-нибудь станет спорить. Но этим, равно как и шаткостью рукописного чтения в 234 стихе, еще не доказывается непременно интерполяция. Р. Принц находит некоторое подтверждение своей догадке еще в том обстоятельстве, что Копенгагенская рукопись, ведущая свое начало из того же источника, как и рукопись В, представляет 235–237 стихи в таком невозможном порядке:

λαβεῖν. οὐ γὰρ εὐκλεεῖς ἀπαλλαγαί
 какоῦ γὰρ τόδ' ἄλγιον κακόν. κὰν τῷδ' ἀγὼν
 μέγιστος ἢ κακὸν λαβεῖν ἢ χρηστόν.

Так написано там первой рукой; слова οὐ γὰρ εὐκλεεῖς ἀπαλλαγαί подчеркнуты красными чернилами и затем второй уже рукой еще раз написаны на поле у слова χρηστόν¹⁴. Но самое большее, что можно вывести отсюда, это только то, что в той рукописи, с которой списана Копенгагенская, слова какоῦ γὰρ — χρηστόν, пропущенные в тексте, стояли на поле и поэтому переписчиком Копенгагенского списка внесены были в текст не там, где следовало. Если же это так, то тут нет никакого доказательства подложности 234 стиха (иначе пришлось бы отвергать и подлинность слов [408] κὰν τῷδ' ἀγὼν — χρηστόν), а есть лишь доказательство того, что именно в этом месте невнимательному переписчику легко было сделать пропуск или нарушить порядок слов и стихов.

Но и независимо от всяких гипотез относительно происхождения описки Копенгагенской рукописи, очевидно, что если бы в речи Медеи нашлось такое место, в котором 234 стих, если и не совершенно бессмысленный, то во всяком случае ненужный после 233 стиха, был бы необходим, то его и следовало бы поставить на том месте, а не там, где ставят его рукописи Еврипида и Стосея, и не под текстом, где поставил его новейший издатель.

И нам кажется, что в речи Медеи есть такое место, где 234 стих не только имеет более смысла, чем после 233 стиха, но, можно сказать, и необходим. Тема этой речи заявляется словами πάντων δ' ὅσ' ἔστ' ἔμψυχα καὶ γνῶμην ἔχει γυναῖκές ἐσμεν ἀθλιώτατον φυτόν. Что γυναῖκες здесь не «жены», а «женщины», видно из 232 стиха. Как на доказательства положения, что из всех одушевленных разумных существ женщина есть самое несчастное, указывается на унижение, которому женщина подвергается

¹⁴Die Verwirrung, die in unserer Handschrift gerade an dieser Stelle herrscht, scheint mir für meine Vermuthung zu sprechen, dass der Vers interpolirt ist und vielleicht im Archetypon noch am Rande gestanden hat: [Prinz R. Die Kopenhagener Euripideshandschrift. S. 132].

при самом сватовстве, на состояние крайней зависимости, в котором жена находится по отношению к мужу, на муки родов, переносимые ею. Но достаточны ли эти доказательства? Разве все женщины жены? Если состояние замужества так печально для женщины, то зачем она вступает в него, или, если уж раз вступила, почему не выходит из него? Странно было бы, если бы такие возражения не представились пропитанному тонкостями софистической диалектики уму трагика, если бы он не попытался отклонить их хоть одним словом, хоть каким-нибудь софизмом. И действительно, одно из этих возражений он легко устраняет: несчастная жена не может высвободиться из своего положения: οὐ γὰρ εὐκλειεῖς ἀπαλλαγὰι γυναίξιν. Не было ли бы кстати тут же отклонить и другое, само собою представляющееся возражение: положим, что развод почти невозможен для женщины, но разве нельзя совсем отказаться от замужества, совсем не вступать в брак? Ответа на это возражение можно было бы, правда, искать в словах οὐδ' οἶον τ' ἀνήνασθαι πόσιν, так как ἀναίνεσθαι, которое, по Арпократиону (р. 16, 17 Bekk.) κοινῶς μὲν τὸ ἀρνεῖσθαι, ἰδίως δὲ ἐπὶ τῶν κατὰ τοὺς γάμους καὶ τὰ ἀφροδίσια λέγεται¹⁵, [409] в соединении с πόσιν, может значить «отказаться от мужа» не только в смысле «развестись с мужем», как понимали до сих пор это выражение толкователи «Медеи», но и в смысле «отказаться от вступления в брак». Для того чтобы это выражение ἀνήνασθαι πόσιν перестало быть двусмысленным, чтобы неизбежным сделалось то именно понимание его, которое, как нам кажется, необходимо по ходу мыслей в речи Медеи, следует стих 234–237 расположить в таком порядке:

235. κὰν τῶδ' ἀγὼν μέγιστος ἢ κακὸν λαβεῖν
 ἢ χρηστόν· οὐ γὰρ εὐκλειεῖς ἀπαλλαγὰι
 237. γυναίξιν· οὐδ' οἶόν τ' ἀνήνασθαι πόσιν.
 234. λαβεῖν· κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἄλγιον κακόν.

¹⁵ Известно, что такое употребление глагола ἀναίνεσθαι (и также ἀπαναίνεσθαι) свойственно не только Демосфену и комикам Платону и Менандру, на которых ссылается Арпократион, но и вообще писателям всех периодов и всех видов греческой литературы. Мы приведем лишь некоторые примеры, в которых речь идет именно об отказе от вступления в брак или любовную связь: Odyss. k. 297 ἀπανήνασθαι θεοῦ εὐνήν, Ps. Nom. epigr. in sac. in Samo (Athen. XIII, p. 592 A) δὸς δὲ γυναῖκα τήνδε νέον μὲν ἀναίνεσθαι φιλότῃα καὶ εὐνήν, Pind. Nem. V, 33 (60) εὐθὺς δ' ἀπανάνατο νύμφαν (о Пилее, устоявшем против искушений Ипполиты), Eurip. El. 312 ἀναίνομαι δὲ Κάστορ' ᾧ πρὶν εἰς θεοῦς ἔλθειν ἔμ' ἐμνήστειον, Hipp. 14 (о девственнике Ипполите) ἀναίνεται δὲ λέκτρα κοῦ ψαύει γάμων, Naumach. ap. Stob. flor. 74, 7, v. 53 ὀνειῶν φιλότῃας ἀναίνο. В утвердительном смысле, о женихе или невесте, соглашающихся на брак или любовную связь, употребляются так αἰνεῖν, например, Pind. Pyth. III, 13 (25) ἄλλον αἰνήσεν γάμον κρύβδαν πατρός и ἐπαίνειν, например, Eurip. Or. 1672 λέκτρ' ἐπλήνεα; о родственниках невесты у Еврипида встречаются αἰνεῖν и καταίνειν, например, Or. 1658 Πυλάδῃ δ' ἀέλφῃς λέκτρον, ᾧ πὸτ' ἤνεσας, δός; Iph. A. 695 τοῦνομα μὲν οὖν παῖδ' οἶδ' ὅτω κατήνεσας.

«Вопрос величайшей важности для женщины заключается в том, достанется ли ей муж добрый или злой; потому что ведь развод¹⁶ позорит женщину¹⁷ (следовательно, раз выйдя замуж за злого, нельзя уже уйти от него); а совсем отказаться от замужества невозможно, потому что в сравнении со злом, о котором [410] идет речь (то есть, с замужеством), это (то есть, отказ от замужества) есть еще большее зло». Едва ли нужно доказывать, что в греческом мире положение старой девы считалось еще большим несчастьем, чем в новейшие времена.

При нашей перестановке получает полный смысл чтение τοῦδ' ἔτ'. Что это чтение было свойственно и оригиналу списка В, доказывается, по-видимому, вариантом Копенгагенского списка (τόδ'). Если чтение τοῦδ' ἔτ' в оригинале списка В было выражено так же, как оно выражается в рукописи L, то есть в виде τοῦδε τ', но при этом τ' было надписано над δε¹⁸, то понятно, как легко отсюда могло произойти чтение τοῦτ'; хотя, конечно, последнее могло быть и произвольным исправлением непонятого τοῦδε τ'. Как в отношении ко всему ходу аргументации, так и в отношении к подробностям (опущению связки, опущению местоимения οὗτος¹⁹, употреблению местоимения ὅδε) значительное сходство с выражением κακοῦ γὰρ τοῦδ' ἔτ' ἅλγιον κακόν представляет последний стих в этом месте «Ираклидов» Еврипида (ст. 605 сл.):

— οὔτε τούτοις ἦδομαι πεπραγμένοις,
 χρημοῦ τε μὴ κρανθέντος οὐ βιώσιμον.
 μείζων γὰρ ἄτη, ξυμφορὰ δὲ καὶ τάδε.

593—597 стихи «Медей» во всех известных рукописях и изданиях, если не брать в расчет незначительных уклонений и очевидных ошибок, имеют такой вид:

εὐ νῦν τόδ' ἴσθι, μὴ γυναικὸς εἵνεκα
 γῆμαί με λέκτρα βασιλέων ἅ νῦν ἔχω,
 ἀλλ' ὥσπερ εἶπον καὶ πάρος, σῶσαι θέλω
 σε καὶ τέκνοισι τοῖς ἐμοῖς ὁμοσπόρους
 φύσαι τυράννουσ παῖδας, ἔρυμα δάμασι.

¹⁶ ἀπαλλαγαί=ἀπολείψεις. Сравн. Demosth. 31, 13 τῆς ἀδελφῆς — — μηδέπω — ἄλλω συνοικοῦσης μηδ' ἀπὸ ἀπλλαγμένης Ἀρόβου и 30, 25 (о том же факте) τὴν γυναῖκα — ἀποδείξω λόγῳ μὲν ἀπολελοιπιῖαν, ἔργῳ δὲ συνοικοῦσαν Ἀρόβῳ. О другом виде развода ἀπαλλάττεσθαι Isae. 3, 28 ἀπαλλάττεσθαι τῆς γυναικός, Plutarch, de virt. et vitio γυναικὸς οὐ χαλεπὸς ἂν τις ἀπαλλαγείη πονηρᾶς — — πρὸς δὲ τὴν ἑαυτοῦ κακίαν οὐκ ἔστι γραψάμενον ἀπολείψιν, ἤδη πραγμάτων ἀφεῖσθαι.

¹⁷ Или, если принять догадку Наука, εὐχερεῖς вместо εὐκλεεῖς: «получить развод не легко».

¹⁸ [Bast Fr. J. Commentatio palaeographica. Lipsiae, 1811. P. 845.]

¹⁹ Сравн. Plat. Pol. 300 A. ἄρα οὐ τοῦ κακοῦ τοῦ πρόσθεν μείζων ἂν ἔτι τοῦτο γίνοιτο κακόν τι.

Это речь Ясона, оправдывающегося перед Медеей в том, что он изменил ей, вступив в брак с дочерью царя Креонта. Так как само собой разумеется, что, в супружестве с последней, Ясон мог надеяться произвести братьев только для своих детей, то определение τοῖς ἐμοῖς является довольно праздным²⁰. С [411] другой стороны, для всякого должно быть понятно, насколько речь Ясона выиграет в своей убедительности, если он, вместо того чтобы говорить: «то, за что ты упрекаешь меня, я сделал для тебя же и для твоих же детей», то есть, если вместо τοῖς ἐμοῖς мы будем читать τοῖσι σοῖς. Ведь и прежде (ст. 563), излагая ту же мысль, Ясон говорил:

(ὡς) σπεύρας ἀδελφοὺς τοῖσιν ἐκ σέθεν τέκνοις
εἰς ταὐτὸ θείην καὶ ξυναρτήσας γένος
εὐδαιμονοῖμεν.

К речи Демосфена ΚΑΤΑ ΚΟΝΩΝΟΣ (§ 4)²¹

[412] В §§ 3–6 этой речи истец рассказывает историю возникновения вражды к нему детей ответчика. Вражда началась с того времени, когда сыновья Конона и сам истец находились вместе в отряде, стоявшем гарнизоном в Панакте. Буйные, вечно пьяные сыновья Конона, занимавшие в лагере палатку по соседству с палаткой лица, говорящего речь, сперва, по разным поводам, стали обижать его рабов-денщиков: φήσαντες γὰρ — рассказывает он в § 4-м — καλνίζειν αὐτοὺς ὀψοποιοῦμένους τοὺς παῖδας ἢ κακῶς λέγειν ὃ, τι τύχοιεν, ἔτυπτον καὶ τὰς ἀμίδας κατεσκεδάωνον καὶ προσεοῦρον καὶ ἀσελγείας καὶ ὕβρεως οὐδ' ὅτιοῦν ἀπέλειπον.

Все в приведенных словах совершенно понятно, кроме выражения ὃ τι τύχοιεν. С грамматической точки зрения оно, конечно, безупречно: ὃ τι τύχοιεν в данном месте значат (как объясняет Вестерманн) то же, что ὃ τι τύχοιεν λέγοντες. Но с какою целью это выражение присоединено к словам κακῶς λέγειν? Для того ли, чтобы усилить их значение? Действительно, «бранить, как ни попало» может значить больше, чем просто «бранить»; но здесь ведь речь идет о рабах, будто бы бранивших свободных людей, а когда раб бранил свободного, то, без сомнения, брань считалась одинаково дерзким поступком, была ли она заслужена, или не заслужена тем лицом, которое ей подвергалось, относилась ли она к обстоятельствам более или менее позорящим. Кроме того, и это главное, в интересах истца было не усиливать вину своих рабов, если таковая была, а смягчить ее (выражение же ὃ τι τύχοιεν для этой последней цели непригодно); напро-

²⁰ Скорее с ним можно примириться в ст. 550, а в ст. 1303 ἐμῶν, конечно, необходимо.

²¹ [Опубл.: ЖМНП. 1880. Ч. 211. Октябрь. Отд. классической филологии. С. 412–413.]